

КРИТИКА ИСТОЧНИКА И ВЕРОЯТНОСТЬ ИЗВЕСТИЯ*

Чем определяется степень нашего доверия к известию источника — ценностью источника в целом или вероятностью данного известия? На первый взгляд, вопрос этот может показаться странным. Существенно, очевидно, и то и другое. Встретив в источнике какое-либо явно абсурдное и противоречащее логике известие, мы усомнимся в качествах самого источника; с другой стороны, ни один добросовестный исследователь не будет извлекать отдельных известий из источника, если ему достоверно известно, что этот источник — подделка. Но в практике источниковеда встречаются обычно не такие крайние случаи, а более сложные примеры, когда ни источник, ни конкретное известие не могут быть отвергнуты с порога. Здесь-то и возникает поставленный выше вопрос об основной критерии при оценке показаний источника. Вопрос этот занимал русских историков уже в первой половине XIX в. В статье «Об исторической истине и достоверности» известный публицист и этнограф Н. Надеждин возражал против того, что историческая критика, как ему казалось, основывает «всю достоверность фактов на достоверности свидетельств», и утверждал, что «всякий факт сам в себе имеет внутренние условия достоверности, которые гораздо важнее и выше, которые часто не зависят от достоверности свидетельств, напротив, дают им достоверность». Такими внутренними условиями достоверности Н. Надеждин считал соответствие факта с «законами исторического условия жизни» — с «общими законами человеческой природы» или со свойствами данного народа: «только история народа русского», по мнению Н. Надеждина, «могла открыться повествованием о добровольном предании великой богатой земли под спасительную власть единодержавия». «Никакой древний манускрипт, никакой известный авторитет, выдержавший всю пытку обыкновенной критики, не убедит меня в подлинности факта, если он

* Впервые опубликовано: Культура Древней Руси: Сб. ст. к 60-летию Н. Н. Воронина. М., 1966. С. 121–126.

представляет решительное противоречие с этими законами; напротив, полное согласие с ними внушает доверие к факту, хотя бы он опирался на преданиях, не удовлетворяющих требованиям нынешней критики», — писал Н. Надеждин.¹

Мы не будем разбирать вопрос о том, насколько «законы исторического условия жизни», выставленные Н. Надеждиным, соответствуют действительности и могут ли они быть положены в основу исследования источников. Нам необходимо здесь отметить лишь одно обстоятельство: Н. Надеждин ясно усматривал коллизию между двумя путями исторической критики — на основе оценки источника в целом или на основе оценки достоверности конкретного известия — и решительно давал предпочтение второму пути.

Н. Надеждин не был выдающимся историком — его высказывания заслуживают внимания прежде всего потому, что они, очевидно, отражали не только его мнение, но более или менее распространенную в историографии того времени точку зрения.² В сочинениях виднейших представителей русской историографии XIX в., например С. М. Соловьева, мы не находим общей характеристики их источниковедческих приемов. Можно, однако, думать, что и С. М. Соловьев, и другие «строители системы русской научной истории» середины XIX в., подобно Н. Надеждину, придавали большее значение «законам исторического условия жизни», нежели филологической критике «свидетельств». По справедливому замечанию А. Е. Преснякова, в трудах представителей так называемой юридической школы история образования русского государства стала жертвой «теоретического подхода к материалу, который обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы»; исследователи предпочитали Никоновскую летопись и зависимый от нее текст татищевской «Истории» ранним летописным свидетельствам, ибо более поздние памятники «лучше иллюстрировали принятую схему»; «господство теоретических построений... привело к такому одностороннему подбору данных, при котором отпадало из комплекса все, что не годилось для иллюстрации установленной схемы, не подтверждало ее предпосылок; пострадало при этом и критическое отношение к источникам».³

¹ *Надеждин Н.* Об исторической истине и достоверности // Библиотека для чтения. Т. XX. СПб., 1837. С. 153–154, 162.

² Совершенно такое же мнение по этому вопросу высказывал М. Т. Каченовский в статье «Исторические справки об Иоанне Экзархе Болгарском» (Вестник Европы. 1826. № 15. С. 199).

³ *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. V–VI, 26.

Вопросы источниковедения не сразу привлекли к себе внимание советской историографии. Первая задача, которую ставили перед собой историки-марксисты, заключалась в пересмотре общих исторических схем дворянской и буржуазной историографии. Но в начале 30-х годов нашего века вопрос об общих принципах подхода к историческому источнику встал перед советскими исследователями. Зависимость источника (в частности, летописи) от «политических страстей и мирских интересов» обращала на себя внимание уже крупнейших дореволюционных источниковедов; советская историография стала понимать эту зависимость шире и глубже, поставив вопрос о классовом характере источника. Но если всякий источник в классовом обществе в той или иной степени тенденциозен, то опасно использовать отдельные известия источника без анализа источника в целом. Такое выборочное использование отдельных известий, подтверждающих общую концепцию исследователя, получило в источниковедческой практике 30-х годов даже особое наименование — «потребительское» отношение к источнику.

В 1934 г. при обсуждении доклада Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в Киевской Руси» известный источниковед С. Н. Чернов заметил: «Если подойти к тому, как Б. Д. пользуется источниками, я бы сказал (пусть не сердится на меня Б. Д.), что его отношение к ним в известной мере потребительское. Б. Д. имеет перед собой источник и ограничивается тем, что просто потребляет его, совсем не интересуясь тем, как он приготовлен в своем целом и своих частях».⁴ В качестве примера С. Н. Чернов приводил использование Б. Д. Грековым летописного рассказа о ключнице Ольги Малуше, сделанное без учета анализа этого рассказа в трудах А. А. Шахматова. В своем ответном слове Б. Д. Греков назвал терминологию С. Н. Чернова «своеобразной» и отвел его конкретное возражение, указав, что считает страницы исследования А. А. Шахматова, посвященные Малуше, «менее других обоснованными».⁵ Он никак не высказался, однако, по общему источниковедческому вопросу о допустимости «потребительского» отношения к источнику.

Было бы, конечно, едва ли справедливо видеть в Б. Д. Грекове единомышленника Н. Надеждина в вопросе о «достоверности фактов». Но некоторая склонность к решению конкретных исторических вопросов на основе «законов исторического условия жизни» (понимаемых, конечно, совсем не по-надеждински!) была ему, по-видимому,

⁴ Известия ГАИМК. Вып. 86. 1934. С. 111–112.

⁵ Там же. С. 148–149.

все-таки свойственна. Об этом свидетельствует, например, одно замечание Б. Д. Грекова, сделанное по поводу Повести временных лет, — источника, который не был основным предметом его научных занятий, но широко привлекался им в работах по истории Киевской Руси. Б. Д. Греков писал: «Меня могут упрекнуть в предвзятости или в слишком большом доверии к показаниям “Повести”. Упреки эти совсем не страшны. Факты говорят сами за себя. А достоверность фактов, сообщаемых “Повестью”, тоже несомненна. Она подтверждается всем общим ходом развития Киевского государства, которое ни в коем случае не могло бы достигнуть столь блестящих результатов, если бы факты, сообщаемые в “Повести”, были недостоверны».⁶ Заметим, что в этом рассуждении речь идет не об общих построениях, не об общей концепции летописца, а именно о *фактах*, сообщаемых в «Повести». Эти факты могли вызвать сомнения у предполагаемых оппонентов автора; ссылаясь на «общий ход развития», Б. Д. Греков утверждает, что факты, сообщаемые «Повестью», непременно должны быть достоверны. Почему? Потому что, не будь их, «общий ход развития Киевского государства» был бы иным. Рассуждение это может, очевидно, иметь только один смысл: зная «общий ход развития» государства, мы можем на этом основании определить достоверность конкретных фактов, сообщаемых источником.

Если Б. Д. Греков в приведенном рассуждении действительно отстаивал выведение конкретных фактов из «общего хода развития», то с ним никак нельзя согласиться. Конечно, между отдельными фактами и общим ходом развития истории существует неразрывная связь: общий ход истории складывается из отдельных фактов, а факты являются проявлением и отражением общих закономерностей. Необходимость каких-то общих теоретических посылок в историческом исследовании признавали уже лучшие представители буржуазного источниковедения. Выступая против «теоретического подхода к материалу» у историков «юридической школы», А. Е. Пресняков, однако, справедливо отвергал при этом иллюзию, будто изучение источников «возможно помимо всяких социологических и исторических предпосылок: мысль исследователя не *tabula rasa*, и материал, им изучаемый, дает ответы только на те вопросы, которые ему этой мыслью поставлены».⁷ Но в историческом (как и в естественнонаучном) исследовании теоретические посылки не могут заменить исследования конкретных фактов. «Вся-

⁶ Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л., 1945. С. 53.

⁷ Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 5.

кая теория, — указывал В. И. Ленин, — в лучшем случае лишь намекает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни». ⁸ Философские и общеисторические предпосылки указывают на возможность и вероятность тех или иных фактов, определяют направление источниковедческих разысканий, но они не могут служить критерием при определении достоверности факта, сообщаемого источником. Вопреки Н. Надеждину мы считаем, например, что «добровольное предание» народа под власть каких-либо правителей и завоевателей в высшей степени невероятно в истории любого народа. Напротив, сочинение таких легенд типично для представителей власти — естественно поэтому отнести к источнику, содержащему подобный рассказ, с недоверием и заподозрить его в тенденциозности. Но последнее слово в решении данного вопроса будет принадлежать все-таки источниковедческому исследованию.

* * *

Установление конкретных исторических фактов на основе «законов исторического условия жизни» или «общего хода развития» едва ли может найти защитников в советской исторической науке. Но «потребительское» отношение к источнику, оценка отдельных известий источника на основе их общей «вероятности» без исследования источника в целом нередко встречается в нашей историографической практике. Особенно широко распространен этот метод в отраслевой историографии (в исследованиях по истории техники, военного дела и т. д.)⁹ и в работах обзорного характера. Встречаясь с источником, вызывающим по тем или иным причинам сомнения, авторы выделяют его «вероятные» известия и отбрасывают явно легендарные. Подобным образом разделяется в ряде работ рассказ Новгородской Первой летописи младшего извода о Невской битве.¹⁰ Сравним, например, описание Невской битвы в этой летописи и его изложение в наиболее авторитетном обобщающем труде по отечественной истории — «Очерках истории СССР».

Рассказ о Невской битве начинается в «Очерках» с упоминания о «старейшине Ижорской земли» Пелгусии, который по поручению Александра Невского охранял пути к Новгороду с моря. Однажды,

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 134.

⁹ Ср., например, использование известий фальсификатора А. И. Сулакадзева в работах по истории авиации (*Данилевский В. В.* Русская техника. Л., 1948. С. 405).

¹⁰ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 292–294.

читаем мы в «Очерках», «когда Пелгусий был в дозоре на берегу Финского залива, он вдруг “услыша шум страшен по морю”. Это шли шведские корабли “многы зело”, посланные в поход королем...» В летописи после слов «шум страшен по морю» говорится: «...и виде носад един гребущь, посреде носада стояща Бориса и Глеба в одежах червлених... гребци же сядяху, акы в молнию одени; и рече Борис: брате Глебе! вели грести борзо, да поможеве сроднику своему Александру». Как видим, «Очерки» осторожно устранили из рассказа «чудесное» явление Бориса и Глеба, превратив их «носад» в многочисленные «шведские корабли». Далее, описывая «беспримерный бой всадника с противником на судне», «Очерки» умалчивают о том, что, когда этот всадник (Гаврила Олексич) был сброшен в воду, он, согласно летописи, «божией волею от тех изиде неврежен и опять наиха» (из воды верхом на корабль), а коротко сообщают: «Шведам удалось сбросить Гаврилу Олексича в море... но он сумел быстро выбраться...» Закljučая описание Невской битвы в «Очерках», авторы рассказывают: «Бой, проведенный в стремительном темпе, принес блестящую победу русскому народу... Русские войска, собрав трупы более знатных рыцарей, “накладше корабля два и пустиша и [их] к морю”...» Здесь опять умалчивается о том, что по летописному рассказу «многое множество избивенных», похороненных в кораблях, было избито «от аггел божиих» на другом берегу реки Ижоры, где «не было проходно полку Александрову».¹¹

«Потребительское» отношение к источнику встречается и в работах чисто исследовательского характера. Не имея возможности полностью принять тот или иной рассказ, исследователи охотно выбирают из него отдельные детали, дополняя или перетолковывая их.

Так, разбирая рассказ о призвании Рюрика с братьями в «Повести временных лет», Б. Д. Греков писал: «Есть большое основание сомневаться в точности предания о Рюрике, о котором так настойчиво и, быть может, не без основания говорят наши летописи. Но, с другой стороны, едва ли необходимо отвергать целиком это призвание». Выход из этой дилеммы Б. Д. Греков находил в том, что отвергал утверждение летописи, будто варягов призвали «русь, чюдь, словени и кривичи и вси»,¹² но принимал самый факт «призвания» (или найма) варягов —

¹¹ Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. I. М., 1953. С. 841–844. Ср. *Гадзяцкий С. С.* Вотская и Ижорская земля Новгородского государства // Исторические записки. 1940. Т. 6. С. 132–134; *Пауто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 176–180; *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М., 1957. С. 155–157.

¹² Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 18.

не всеми славянами, а лишь «одной из борющихся сторон», новгородскими «местными владыками».¹³

Такому же выборочному использованию подвергался и рассказ о падении татарского ига в 1480 г., содержащийся в «Казанском летописце» («Казанской истории»). Рассказ этот, написанный почти сто лет спустя после этого события, рисует Ивана III (вопреки современным источникам) самыми героическими красками; получив символическое изображение Ахмата, «базму парсуну лица его», великий князь «плевав на ню и излома ея»; Ахмат идет на Ивана, грозя умучить его «горними муками», но Иван III придумывает «добро дело»: он «посылает отаи царя» своих служилых воевод «пленити Орду»; узнав об этом, Ахмат «обратися бежати».¹⁴ В историографии не раз отмечалась «подозрительность» этого известия.¹⁵ А. Е. Пресняков справедливо указывал, что сообщения «Казанского летописца», «резко противоречащие данным остальных источников, не имеют никакой исторической цены».¹⁶ Тем более непоследовательной представляется позиция К. В. Базилиевича в этом вопросе. В своем исследовании о внешней политике Русского государства К. В. Базилиевич именовал «Казанский летописец» «мутным источником»; он отвергал первую часть приведенного рассказа — о «потоптании басмы», но вторую часть — о нападении русских на Орду признавал «достоверным фактом» (хотя это известие органически связано с началом рассказа и также отсутствует в остальных источниках).¹⁷

Постоянным объектом подобного «потребительского» использования является и «История Российская» В. Н. Татищева. Вопрос об исторической ценности так называемых татищевских известий (известий, встречающихся только у В. Н. Татищева) еще со времен Н. М. Карамзина вызывал споры в науке. Решение этого вопроса требует, очевидно,

¹³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1939. С. 228–229. В более позднем издании Б. Д. Греков несколько изменил приведенный текст, оговаривая гипотетический характер своего построения и указывая, что речь может идти не о «призвании», а о «найме» новгородцами варяжского отряда (Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1953. С. 452–453; *его же*. Избранные труды. Т. II. М., 1959. С. 300–361).

¹⁴ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 55–57.

¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. СПб. Стлб. 1425 и 1431, прим. 1.

¹⁶ Пресняков А. Е. Иван III на Угре // Сергею Федоровичу Платонову, ученики, друзья и почитатели. Сборник статей. СПб., 1911. С. 290.

¹⁷ Базилиевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 121, 162–163.

специальных источниковедческих исследований — выяснения вопроса, делал ли Татищев собственные «авторские дополнения» к источникам, сравнения различных редакций «Истории» Татищева, сопоставления текста Татищева с текстами использованных им летописей и т. д.¹⁸ Но в ряде исторических работ известия Татищева привлекаются или отвергаются независимо от подобных источниковедческих изысканий — на основании все той же общей «вероятности» данных известий. Так, Б. Д. Греков в «Киевской Руси» рассказывал, что Владимир Мономах был в 1113 г. посажен на престол «не на площади, где господствовал восставший народ, а в храме Святой Софии, вместившем в себя бо-ящуюся народного гнева “степенную публику”», основываясь в этом случае на известии, которое можно найти только у Татищева.¹⁹ Особенно ярко обнаруживается произвольность оценки «татищевских известий» при использовании последней, четвертой части (пятого тома) его «Истории Российской», посвященной Ивану III. Большинство известий этой части явно противоречит показаниям других источников и отвергается историками. Татищев приписывает, например, Ивану III весьма необычное для него «рыцарское» поведение — великий князь якобы арестовал князя Михаила Холмского, перешедшего к нему от великого князя Тверского, говоря: «Не добро верить тому, кто лжет» и т. д.²⁰ Но в своей уже упомянутой работе по истории внешней политики Руси К. В. Базилевич счел возможным без каких-либо оговорок привлечь известие Татищева из той же книги его «Истории», отсутствующее во всех остальных источниках, — известие о сговоре Новгорода с римским папой и татарским ханом в 1479 г.²¹

Недостаток всех приведенных построений заключается, на наш взгляд, не в том, что исследователи принимают одни известия источника и отвергают другие, а в том, что выбор этот делается ими вне

¹⁸ О вымыслах Татищева см.: *Валк С. Н.* Татищевские списки «Русской правды» // *Материалы по истории СССР.* Вып. V. М., 1957. С. 615–626; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Ч. I. Л., 1961. С. 222–262. Важнейшим первоисточником считал труд В. Н. Татищева М. Н. Тихомиров (статья «О русских источниках “Истории Российской”» в кн.: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. I. М.; Л., 1962. С. 39–53).

¹⁹ *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. II. М., 1773. С. 211; ср. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 272. Как отмечает С. Л. Пештич (*Русская историография...* С. 250), «это известие было не только принято Б. Д. Грековым, но и усилено им — у Татищева говорится, что “киевляне” учинили совет, “сошедшись к церкви”, а в пересказе Б. Д. Грекова повествуется об одних только “степенных” гражданах, собравшихся “в храме”».

²⁰ *Татищев В. Н.* История Российская. Кн. V // ЧОИДР. 1847. № 4. С. 91–92.

²¹ Там же. С. 72. Ср. *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 126–127.

зависимости от анализа источника в целом на основе все той же «вероятности» данного известия. Конечно, и Татищев, и автор «Казанской истории», и летописец в одном случае могли вымышлять (или передавать чужую выдумку), а в другом — говорить правду. Но где гарантия, что граница между правдой и вымыслом пролегла именно там, где предполагают исследователи?

Для того чтобы выделить в рассказе о Невской битве историческую и легендарную часть, недостаточно только не верить в чудеса: для этого надо разобрать источниковедчески самый рассказ. Такого же источниковедческого анализа требуют и древнейшая русская летопись, повествующая о призвании варягов, и более поздние источники. Работы исследователей летописания дают объяснение «норманистским» тенденциям летописцев конца XI и начала XII в.;²² специфические черты тенденциозности обнаруживаются и в «Казанском летописце», и у Татищева. Можно соглашаться или не соглашаться с этими источниковедческими выводами, но ясно, что во всех подобных случаях исследование источника должно предшествовать выделению из него «вероятных» и «невероятных» известий.

Но разве правдоподобность какого-либо отдельного известия источника, его соответствие исторической обстановке не могут изменить общей оценки данного источника? Предположим, что перед нами источник, чья достоверность внушает сомнения. Мы колеблемся — принять его или нет. Выясняется, что одно из его известий совпадает с косвенными показаниями других источников, оно правдоподобно. Не следует ли нам пересмотреть и оценку источника в целом?

Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться с первого взгляда. «Правдоподобие» — опасная категория; совпадение между показаниями источника и «общей обстановкой» может быть и случайным.

Ограничимся одним примером. В уже цитированной четвертой части «Истории Российской» Татищев рассказывает, что во время собора, судившего новгородских еретиков, митрополит Зосима выступил против смертной казни для них, заявляя, что «мы от бога не поставлены на смерть осуждати, но грешныя обращати к покаянию».²³ С точки зрения «общей обстановки» это известие достаточно правдоподобно: Зосима был во враждебных отношениях с «обличителями» еретиков,

²² *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 34–35, 39–42; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 157–160; *Рыбаков Б. А.* Спорные вопросы образования Киевской Руси // ВИ. 1960. № 9. С. 19–20.

²³ *Татищев В. Н.* История Российская. Кн. V. С. 110.

его обвиняли в близости к московским еретикам; он мог, следовательно, иначе относиться к наказанию новгородских еретиков, чем рьяные «обличители». Но если мы поставим это не подтвержденное ни одним древним источником известие Татищева в связь не с обстановкой XV в., а с собственными воззрениями историографа, то увидим здесь еще более разительное соответствие. Русский просветитель XVIII в., скептически относившийся к религиозным догмам, В. Н. Татищев был решительным противником вмешательства церкви в дела государственной власти и сторонником веротерпимости: «Умному до веры другого ничто не касается, и ему равно, лютор, кальвин или язычник с ним в одном городе живет», — писал он. Недаром первоначальная редакция его «Истории Российской» вызвала, по его собственному признанию, обвинение в том, что в ней автор опровергает «православную веру и закон».²⁴ Вложить в уста Зосимы реплику против «осуждения грешных на казнь» было поэтому для В. Н. Татищева вполне естественно.

Итак, сама по себе «вероятность» или «правдоподобность» отдельного известия еще недостаточна для оценки источника. Наблюдения над отдельными известиями, сопоставление их с показаниями других источников и данными исторической обстановки, само собой разумеется, совершенно необходимы. Но, сделав подобные наблюдения, исследователь вновь возвращается к источнику в целом — он суммирует данные о нем, сопоставляет *pro* и *contra* и только от общей характеристики источника идет к оценке его отдельных известий.

²⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т. I. С. 85; Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. I. С. 247–248; Вороницын И. История атеизма. Вып. IV. М., 1929. С. 161–167.